

Е.С. Апалькова (Москва, Россия)

Рецепция традиций Э.Т.А. Гофмана в повестях А. Чайнова и А. Погорельского

Аннотация: В статье рассматриваются «Романтические повести» А. Чайнова в русле традиций русского романтизма XIX в., а также в соотношении с творчеством немецкого романтика – Э.Т.А. Гофмана. Основной акцент сделан на сопоставлении повестей А. Чайнова и А. Погорельского как основоположника гофмановской традиции в русской литературе. Сравниваются произведения Чайнова и Погорельского с «Золотым горшком» Гофмана. Показаны общие характерные для литературного романтизма мотивы и образы, такие как противостояние мира реального и потустороннего, двойничество, героини-куклы, фантастические элементы в пространстве реального города. Выявляются различия в обращении Чайнова и Погорельского к прозе Гофмана.

Ключевые слова: Гофман, двойники, «Золотой горшок», Калло, кукла, «Лафертовская маковница», Лефортово, магический, Москва, Погорельский, романтизм, романтическая повесть, Чайнов

E.S. Apalkova (Moscow, Russia)

Reception of E.T.A. Hoffmann's Traditions in Stories of A. Chayanov and A. Pogorelsky

Abstract: The article examines “Romantic Stories” by A. Chayanov in its connection with the traditions of Russian romanticism of the 19th century, as well as with the work of the German romantic E.T.A. Hoffmann. The main emphasis is placed on the comparison of the stories of A. Chayanov and A. Pogorelsky as the founders of the Hoffman tradition in Russian literature. The works of Chayanov and Pogorelsky are compared with the “Golden Pot” by Hoffmann. The general reasons and images characteristic of literary romanticism are revealed, such as the confrontation between the real and the other world, duality, heroines-dolls, fantastic elements in the space of a real city. The differences in the appeal of Chayanov and Pogorelsky to Hoffmann's prose are revealed.

Key words: Hoffman, doubles, “The Golden Pot”, Kallot, doll, “Lafertovskaya Makovnica”, Lefortovo, magic, Moscow, Pogorelsky, romanticism, romantic story, Chayanov

А. Чайнов в 1918–1928 гг. написал пять магических повестей: «История парикмахерской куклы, или Последняя любовь московского архитектора М.» (1918), «Венедиктов, или Достопамятные события жизни моей» (1922), «Венецианское

зеркало, или Диковинные похождения стеклянного человека» (1923), «Необычайные, но истинные приключения графа Федора Михайловича Бутурлина, описанные по семейным преданиям московским ботаником Х. и иллюстрированные фитопатологом У.» (1924), «Юлия, или Встречи под Новодевичьим» (1928). Уже сам автор, называя повести романтическими, связывает их с историей литературного романтизма. В настоящей статье предметом анализа является сопоставление повестей Чаянова и Погорельского через призму гофмановской традиции.

Проза Чаянова соотносится с традициями русского романтизма XIX в. (А. Погорельского, В.Ф. Одоевского, М.Н. Загоскина, В.П. Титова, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и др.), а также с творчеством немецкого романтика Э.Т.А. Гофмана: сам автор первую повесть цикла «История парикмахерской куклы, или Последняя любовь московского архитектора М.» посвятил немецкому писателю. Известно высказывание Чаянова о том, что каждый город «должен иметь некоторую украшающую его “Гофманиаду”, некоторое количество “домашних дьяволов”»¹, в том числе и Москва. Чаянов воспринял Гофмана не только непосредственно, но и через призму осмысления творчества немецкого писателя русскими прозаиками. В прозе Гофмана писателя в 1920-е гг. привлекал синтез реального и ирреального, что отвечало модернистской поэтике². Творчество Чаянова связано с модернистской прозой начала XX в. – с произведениями В.Я. Брюсова, М.А. Кузмина, П.П. Муратова, Б. Садовского и др. Таким образом, Чаянов-прозаик опирался на «множество источников»³ и синтезировал различные традиции, что позволило ему создать уникальный жанр магической повести XX в.

В каждой из повестей Чаянова есть магический элемент, на котором строится сюжет, а также использован определенный набор романтических клише: конфликтность отношений мира реального и потустороннего, герои-двойники, героини-куклы, образы «страшного мира», предметы, через которые в повседневность вторгаются фантастика, однако они переосмысляются автором. Проза Чаянова вписывается в традиции русской гофманианы, которую представляют А. Погорельский («Двойник, или Мои вечера в Малороссии», 1828), А.К. Толстой («Семья вурдалака», 1839; «Встреча через триста лет», 1839; «Упырь», 1841; «Амена», 1846), В.Ф. Одоевский («Русские ночи», 1844; и др.), Н. Полевой («Блаженство безумия», 1833; «Живописец», 1833) и другие писатели эпохи романтизма, а также А.С. Пушкин («Пиковая дама», 1833), М.Ю. Лермонтов («Штосс», написана в 1841 г.), Ф.М. Достоевский («Двойник», 1846; «Белые ночи», 1848; концепция «фантастического реализма» и др.) и наиболее ярко – Н.В. Гоголь («Страшная месть», 1831; «Портрет», особенно первая редакция 1833–1834; «Невский проспект», 1834; и др.).

В XIX в. началом русской гофманианы можно считать творческий опыт Погорельского (Перовского). Интерес к потустороннему в эпоху романтизма стал причиной появления в русской литературе жанра фантастической повести, формирование которого начинается с публикации в 1825 г. в «Новостях литературы» повести Погорельского «Лафертовская маковница». Позже, в 1828 г., этот текст и ряд других фантастических повестей и рассказов вошли в цикл «Двойник, или Мои вечера в Малороссии». Центральной темой этих произведений становится соотношение реального и ирреального в существовании человека. Погорельский

¹ Кобозев Д. «Предупреждение» к неизданному сборнику Ботаника Х. // Вопросы литературы. 2020. №4. С. 269.

² Лаптева И.В. Фантастическое Э.Т.А. Гофмана в культуре рубежа XX–XXI вв. // Вестник Томского государственного университета. 2008. №308. С. 58.

³ Михаленко Н.В. Мистические повести А.В. Чаянова в контексте романтической традиции // Парадигма: философско-культурологический альманах. 2016. №24. С. 111.

владел немецким языком (в частности, он перевел на немецкий язык «Бедную Лизу» Н.М. Карамзина), в 1813–1814 гг. жил в Дрездене. Подтверждений личного знакомства Погорельского и Гофмана нет, однако возможность их встречи отрицать нельзя. А.И. Кирпичников пишет: «<...> Перовский имел полную возможность знать даровитого романиста лично и почти не мог не подчиниться его литературному влиянию»¹. В это время выходят первые части гофмановских «Фантазий в манере Калло» (1814), с содержанием которых Погорельский, несомненно, был хорошо знаком. Это находит отражение, в частности, в гротескном видении мира, что актуально для творческого метода как Гофмана, так и Погорельского, а также в обращении к необычному как к части мира реального.

Как явление романтической прозы жанр фантастической повести формировался в контексте освоения русской литературой европейского литературного опыта: английского готического романа, фантастики гейдельбергских романтиков (братьев Гримм, Ф. Брентано), творчества Гофмана. Авторы фантастических повестей были сосредоточены на «способах человеческого самосознания, духовной практике (мистических откровениях, магии, медитациях), разных формах инобытия (сне, галлюцинациях, гипнозе), не гас интерес и к мечтательству, игре и т. д.»². Названные черты присущи и творческому методу Чаянова, однако в его повестях они становятся элементами сюжета, а не самоцелью.

Эстетика Гофмана была ориентирована на художественные принципы популярного среди романтиков Ж. Калло. В статье «Жак Калло» (1813) немецкий писатель анализирует особую манеру художника. Эту работу можно считать эстетическим манифестом Гофмана, она же стала предисловием к сборнику «Фантазии в манере Калло». По признанию писателя, притягательность офортов Калло заключалась, прежде всего, в их фантастичности: он «не может отвести взора от его диковинных фантастических листков»; «его рисунки суть лишь отражения тех фантастических причудливых образов, что оживлены волшебством его неутомимой фантазии»³. Несомненно, для Гофмана важно то, что творчество Калло не является зеркальным отражением реальности, полным ее подобием, а помогает выявить суть событий.

Важнейшим проявлением русской рецепции метода Гофмана является гротеск, вырастающий из гротескной деформации, гримасы, карикатуры Калло в сочетании с реалистичностью, что сближает прозу Гофмана с фантастическим реализмом Гоголя, повлиявшим на русскую магическую прозу. Несмотря на внешнюю разноприродность деталей, в творениях Калло они совокупны и организуются в единое целое. Фантастика, гротеск углубляют познание реальности; как пишет Гофман, в методе Калло есть «вместе странное и знакомое»⁴. Проявления фантастического и карикатурного в обыденной действительности – свойство творческой практики Гофмана⁵. У Чаянова такой гротескной карикатурой является стеклянный человек в повести «Венецианское зеркало, или Диковинные похождения стеклянного человека» или

¹ Кирпичников А.И. Антоний Погорельский, эпизод из истории русского романтизма // Кирпичников А.И. Очерки по истории новой русской литературы. Т. 1. М.: Книжное дело, 1903. С. 96. Цитата из книги приведена в соответствии с нормами современного русского языка.

² Коровин В.И. История русской литературы XIX века. В 3 ч. Ч. 2: 1840–1860: учеб. для студентов вузов / [Е.Е. Дмитриева и др.]; под ред. В.И. Коровина. М.: ВЛАДОС, 2005. С. 85.

³ Гофман Э.Т.А. Полн. собр. соч.: В 2 т. / [Пер. с нем. С. Шлапоберская и др.] Т. 1. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2011. С. 7.

⁴ Солнцева Н.М. Репутация куклы. М.: Водолей, 2017. С. 8.

⁵ Д.Л. Чавчанидзе пишет об этом так: «Под пером Гофмана необыкновенное, фантастическое возникает из реальных вещей и событий; источником чудесного становится обыденная жизнь. И потому сказочное, волшебное открывает нам другой, еще более необычайный мир – мир человеческих чувств, мечтаний, стремлений» (Чавчанидзе Д.Л. Романтический мир Эрнста Теодора Амадея Гофмана // Гофман Э.Т.А. Золотой горшок и другие истории. М., 1976. С. 212).

история о восковом подобии сиамских близнецов в повести «История парикмахерской куклы, или Последняя любовь московского архитектора М.».

Не менее значим для Гофмана был опыт композиции гравюр и картин Калло с акцентом на незначительном или скрытом от глаза человека, пребывающем в тени сознания: «Гляжу неотрывно на это роскошество композиций, составленных из противоречивейших элементов, – и вот оживают передо мною тысячи и тысячи образов, и каждый зримо и твердо, сверкая наивысшими красками, выступает вперед, возникая нередко из самых отдаленных глубин фона, где это поначалу и разглядеть было невозможно»; Гофман обращает внимание на емкость произведений Калло, который умел «втиснуть в самые узкие пределы столь несметное изобилие явлений»¹, что коррелирует с его прозой.

Важно также отметить, что тексты Гофмана входят в русскую литературу XX в. как опыт переосмысления традиции, ранее уже воспринятой Погорельским. Ряд мотивов, использованных русским романтиком, сближает его тексты с произведениями Гофмана. В частности, повесть «Печальные последствия необузданного воображения» (1828) Погорельского соотносится с «Песочным человеком» (1816). Сама форма цикла построена наподобие «Серапионовых братьев» (1819–1821). К принципу циклизации обращается и Чайнов, когда в 1926 г. готовит переиздание повестей и пишет к ним общее предисловие.

В начале XX в. интерес к творчеству Гофмана возрастает. В разное время и в разной степени отголоски творчества немецкого романтика обнаруживаются в творчестве А. Белого, А. Блока, М. Булгакова, В. Брюсова, В. Каверина, М. Кузмина, Д. Мережковского, А. Ремизова, Ф. Сологуба и др. В 1880 г. был опубликован «Золотой горшок» Гофмана в переводе философа Вл. Соловьева, а также его шуточные стихотворения и пьесы «Белая лилия», «Альсим», «Дворянский бунт», ориентированные на поэтику немецкого писателя². В предисловии к повести Гофмана «Золотой горшок» Соловьев указал на «постоянную внутреннюю связь и взаимопроникновение фантастического и реального элементов»³. Он отметил двойственное восприятие реальности немецким романтиком, что отвечает мировосприятию начала XX в. и становится предметом изображения в прозе Чайнова.

Рецепцию традиций Гофмана в прозе Чайнова отмечают В.Б. Муравьев, Н.М. Солнцева, А.Б. Ботникова, В.В. Королева, Е.В. Тырышкина, Л.П. Григорьева, Н.В. Кожуховская, Н.В. Михаленко, Л.Д. Дарьялова⁴ и др. Связь с прозой немецкого романтика ви-

¹ Гофман Э.Т.А. Полное собр. соч.: В 2 т. Т. 1. С. 7, 8.

² Королева В.В. «Гофмановский комплекс» в шуточных пьесах Вл. Соловьева («Белая лилия», «Альсим», «Дворянский бунт») // Вестник Костромского государственного университета. 1918. Т. 24. № 3. С. 138–142.

³ Соловьев Вл. Из «Предисловия к повести Гофмана «Золотой горшок»» // Русский круг Гофмана / Сост. Н.И. Лопатина при участии Д.В. Фомина. М.: Центр книги ВГБИЛ имени М.И. Рудомино, 2009. С. 169.

⁴ См.: Муравьев В.Б. Творец московской гофманиады // Венецианское зеркало: Повести / Вступ. ст. и примеч. В.Б. Муравьева. М.: Современник, 1989. С. 5–23; Солнцева Н.М. Пасьянсы профессора Чайнова // Москва. 1990. № 3. С. 197–199; Солнцева Н.М. Репутация куклы. М.: Водолей, 2017; Ботникова А.Б. Немецкий романтизм: диалог художественных форм. М.: Аспект Пресс, 2005; Королева В.В. Стилизация «гофмановского комплекса» в повестях А.Н. Чайнова // Вестник Костромского государственного университета. 2020. № 3. С. 159–164; Королева В.В. Стилизация «гофмановского комплекса» в повестях А.Н. Чайнова // Вестник Костромского государственного университета. 2020. № 3. С. 159–164; Тырышкина Е.В. Кукла и ее двойник («История парикмахерской куклы» А.В. Чайнова, 1918) // Известия Саратовского университета. Сер.: Филология. Журналистика. 2019. Т. 19. № 3. С. 341–345; Григорьева Л.П. Романтические повести А.В. Чайнова. К вопросу о прагматических стратегиях автора: sworld.com.ua/konfer36/408.pdf (дата обращения: 30.06.2021); Кожуховская Н.В. Автор и герой в романтических повестях А. Чайнова // Вестник Череповецкого государственного университета. 2016. № 3. С. 37–43; Михаленко Н.В. Мистические повести А.В. Чайнова в контексте романтической традиции // Парадигма: философско-культурологический альманах. 2016. № 24. С. 110–120; Дарьялова Л.Д. Русская литература XX века после Октября: Динамика размежеваний и схождений. Типы творчества (1917–1932): Учебное пособие. Калининград, 1998.

дели уже современники писателя. Так, А. Бахрах в своих воспоминаниях «По памяти, по записям» (1980) главу, посвященную Чайнову, называет «Русский гофманианец».

Вслед за Погорельским Чайнов перенес гофмановские сюжеты на русскую почву. Повести Погорельского и Чайнова можно назвать магическими и одновременно романтическими: Погорельский писал в эпоху романтизма, а Чайнов подчеркивал связь с этим литературным направлением, что отражено уже в названиях его повестей и в мистификации автора («Романтическая повесть, написанная ботаником Х. и иллюстрированная антропологом А.» или «Романтическая повесть, написанная ботаником Х., иллюстрированная фитопатологом У.» и др.). Несмотря на общность основных мотивов, подходы писателей к романтическому нарративу разнятся, что вызвано прежде всего состоянием эпохи, в которой творил Чайнов.

У Погорельского ориентация на произведения Гофмана носит подражательный характер, а у Чайнова в основе повестей самостоятельная игра сюжетами и персонажами. Русская гофманиана развивается в повестях Погорельского в «ключе европейского романтизма», тогда как у Чайнова она представлена «в духе шутки, слегка иронической пастиши»¹. Отметим, что Гофману не был чужд юмор. Вл. Соловьев в предисловии к «Золотому горшку» писал о «своеобразном юморе, которым проникнуты произведения Гофмана и, в особенности, его сказки», и полагал, что «этот глубокий юмор» был возможен только при «равносильном присутствии реального и фантастического элемента»². Однако у Чайнова нет юмора, а иронический пастиш создается за счет стилизации, но это не снижает тревоги, предощущения вторжения зла в жизнь человека; в его повестях преобладает трагизм. Как и герои Погорельского, герои Чайнова вынуждены какое-то время существовать на грани мира привычного и фантастичного, они признают силу ирреальных явлений, что изменяет их сознание. Героям открываются темные стороны синкретического бытия. Н.М. Солнцева отмечает: «Фантастические, ирреальные события <...>, выражение психологического состояния героя, его восприятия нерасчлененного, единого мира, того мира, в котором изначально прежде всего само переживание героя»³. При явной стилизации прозы Чайнова в ней очевидно его желание через выход за пределы достоверности самому «исследовать внутренний мир персонажей»⁴. Но отметим: скорее, исследовать сложную натуру современника.

А. Саворовская объясняет внимание Чайнова к романтизму интересом к экзистенциальной природе человека: «Писателю близок романтизм с его устремленностью к субстанциональному и разладом с действительностью, которая из-за ее антигуманности и раздробленности казалась опасной для человека»⁵. Утверждение справедливо: романтизм Чайнова направлен на познание человеческой природы. Но важно отметить, что писатель изображал волевой, эмоциональный потенциал героя в столкновении не с очевидной реальностью, а с вторгающимися в нее иными силами, которые, скорее всего, ассоциировались в сознании Чайнова с жизнью страны в 1920-х гг. По верному замечанию Д.Л. Чавчанидзе о творчестве Гофмана, «все, о чем он пишет, несет на себе отпечаток того тревожного времени, свидетелем которого был писатель»⁶. Это применимо и к творчеству Чайнова.

¹ Цивьян Т.В. «Рассказали страшное, дали точный адрес...» (к мифологической топографии Москвы) // Лотмановский сборник. Т. 2. М.: ОГИ: Издательский центр РГГУ, 1995. С. 599.

² Соловьев Вл. Из «Предисловия к повести Гофмана «Золотой горшок»». С. 168.

³ Солнцева Н.М. Пасьянсы профессора Чайнова // Москва. 1990. № 3. С. 198.

⁴ Муравьев В.Б. Творец московской гофманиады. С. 16.

⁵ Саворовская А. Экзистенциальное в повести Александра Чайнова «Венецианское зеркало, или Диковинные похождения стеклянного человека» // Studia Wschodniosłowiańskie. 2015. Т. 15. С. 134.

⁶ Чавчанидзе Д.Л. Романтический мир Эрнста Теодора Амадея Гофмана. С. 214.

Фантастическое у Гофмана, как пишет И. Лаптева, представляет собой «трансформированную реальность», в которой в душе человека обостряется борьба добра и зла, герой сочетает в себе «стремление к возвышенному и порочности», и происходит всё «на фоне всеобщего движения к безумию»¹. В повестях Чаянова за кажущейся стилизацией и игрой «угадывается стремление пробиться за пределы видимой реальности, утвердить возможность существования иных миров и иных измерений»², через элементы фантастики раскрыть экзистенциальные проблемы существования человека в страшном мире. Как считает Н.В. Михаленко, романтические сюжеты Чаянова появились «в хаосе строительства нового, большевистского»³. В работах о творчестве писателя его магические повести рассматриваются как «исторический документ», который «такой психоаналитик, как Карл Густав Юнг, счел бы бесценным для своей версии *аналитической психологии*»⁴; в «фантастических или нелепых образах» исследователи усматривают «реальные обстоятельства, которые волновали Чаянова»⁵. В романтизме ему импонировало изображение человека в неоднозначных ситуациях, сюжеты, построенные не на жизнеподобии, а на поэтике гротеска, соотношении узнаваемой реальности Москвы и магических сил, – все это стало оптимальным решением в изображении экзистенциальных состояний современника, при этом писатель смог уйти от прямого разговора о ситуации конца 1910 – 1920-х гг. Таким образом, Чаянов обращается к романтической аксиологии, переосмысляет ее и соотносит с реалиями современной ему жизни.

В повести Чаянова «Необычные, но истинные приключения графа Федора Михайловича Бутурлина» и повестях Погорельского «Изидор и Анюта» и «Лафертовская маковница» совпадает место действия – Москва; магические события происходят в узнаваемой обстановке, как и в прозе Гофмана. С точки зрения Вл. Соловьева, реальная повседневность в произведениях немецкого романтика имеет «некоторую фантастическую подкладку», которая выявляет скрытые смыслы мира, тогда как только реальность «постоянно дает чувствовать свою неполноту»⁶. А.В. Бахрах приводит адресованное ему письмо Чаянова, в котором автор магических повестей говорит об их «сногшибательной фантастике»⁷ (в частности, в повести «Необычайные, но истинные приключения графа Федора Михайловича Бутурлина»), а в «Предупреждении» (1926) к несостоявшемуся переизданию повестей Чаянов пишет о «*доподлинно московской фантастике*»⁸, которую он художественно осмысляет в своих произведениях.

Место действия повестей Погорельского «Лафертовская маковница» и Чаянова «Необычные, но истинные приключения графа Федора Михайловича Бутурлина» – Лефортово, наделенное магической силой: в этом районе у Погорельского находится домик ведьмы, а у Чаянова здесь происходит роковая встреча главного героя с Брюсом. И старушка из повести Погорельского, известная как Лафертовская Маковница, и Брюс из повести Чаянова имеют власть над душами других людей и способны управлять их судьбами, они связаны с нечистой силой. Кроме того, Чая-

¹ Лаптева И.В. Фантастическое Э.Т.А. Гофмана в культуре рубежа XX–XXI вв. С. 58.

² Ботникова А.Б. Немецкий романтизм: диалог художественных форм. С. 238.

³ Михаленко Н.В. Мистические повести А.В. Чаянова в контексте романтической традиции. С. 111.

⁴ Герасимов И.В. Душа человека переходного времени. Случай Александра Чаянова. Казань: АННА, 1997. С. 9.

⁵ Там же. С. 15.

⁶ Соловьев Вл. Из «Предисловия к повести Гофмана «Золотой горшок»». С. 168.

⁷ Бахрах А.В. «Русский гофманианец» // Бахрах А.В. Бунин в халате. По памяти, по записям / Сост., вступ. ст., коммент. Ст. Никоненко. М.: Вагриус, 2005. С. 348.

⁸ Кобозев Д. «Предупреждение» к неизданному сборнику Ботаника Х. С. 270.

нов делает Брюса (прототип героя – реальный человек) главным злодеем. В повестях Погорельского и Чаянова Лефортово противопоставлено реальному миру – так создается литературный миф о Лефортове как месте опасном, чужом, представляющем инфернальный мир.

Стоит отметить, что Лефортово не только место действия «Лафертовской маковницы», но и местонахождение усадьбы Разумовских на Гороховской улице, которая была построена в 1799–1802 гг. В первой главе повести Чаянова дважды упоминается дворец Разумовских, там и происходит завязка сюжета: Бутурлин прибыл на бал к Разумовским, после чего он собирается на свидание с княжной Гагариной, однако, заблудившись, попадает в дом Брюса. Граф Алексей Кириллович Разумовский, отец Алексея Перовского, вводится в текст на уровне топонимических упоминаний: его дом был хорошо известен. Когда Бутурлин оказывается в подмосковном имении Песты, он мечтает превзойти оранжереями и садами Горенки. Горенки – имение графа А.К. Разумовского; эпизод с иллюминатами также отсылает к биографии графа. Все это помогает создать магическую атмосферу Лефортова, которое не случайно становится основным местом действия в повести: именно оно связано с таинственными инфернальными силами. Совпадает и время действия: последние десятилетия XVIII в. Отмеченное выше позволяет говорить об общем хронотопе магического пространства прозы Погорельского и Чаянова.

В повестях Погорельского и Чаянова есть еще одна общая деталь, разворачивающая ход событий в сторону магии. В «Лафертовской маковнице» и «Необычайных, но истинных приключениях графа Федора Михайловича Бутурлина» это игральные карты. При этом магические мотивы в творчестве Чаянова обращены к неподконтрольному подсознанию героя, сверхъестественное в его сюжетах отражает прежде всего психику человека, а уже потом не познанный человеком тонкий мир, который втягивает его в свою воронку. В прозе Погорельского сверхъестественный мир функционален прежде всего для развития мистического внешнего сюжета с включением в него приведенных, куклы, ведьмы, черного кота. Полагаем, что в построении пространств реального и магического Чаянов ближе к методу Гофмана, который, изображая не столько мир очевидный, сколько свои представления о нем, проявил, во-первых, «избирательность по отношению к жизненному материалу», а во-вторых, в романтической двойственности внешнего и внутреннего мира показал, как внешние противоречия «перемещаются в сферу сознания самого героя»¹.

Общим является и мотив двойничества. В цикле Погорельского «Двойник, или Мои вечера в Малороссии» он реализуется в буквальном смысле слова. К рассказчику является его Двойник, который отрицает существование сверхъестественных сил, именно в его уста вкладываются иронические слова о вере в потусторонний мир. Однако доводы ничтожны, так как опровергаются вмешательством магических сил в жизнь человека. По сути, Погорельский изображает философский спор об основах бытия.

У Чаянова мотив двойничества проявляется на разных уровнях текста (герои-двойники, композиционные повторы, система сходных деталей). С вмешательством магического элемента в жизнь персонажей акцент смещается на их внутренний мир. Например, с появлением парикмахерских кукол жизнь московского архитектора Владимира оказывается подвластна року («Парикмахерская кукла»), стеклянный человек превращает московского жителя Алексея в марионетку («Венецианское зерка-

¹ *Скородумова Л.Э.* «Фантазии в манере Калло» Э.Т.А. Гофмана: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Мос. гос. пед. ун-т. М., 1996. С. 4.

ло»), граф Яков Брюс с помощью карт управляет судьбами людей, погружает героя в глубины подсознания («Необычные, но истинные приключения графа Бутурлина»), психика молодого человека сфокусирована на отгадывании тайны девушки-призрака («Юлия, или Встречи под Новодевичьим»).

В повести «Пагубные последствия необузданного воображения» Погорельский предлагает свою интерпретацию «Песочного человека» Гофмана: в основе сюжета история влюбленности юноши в куклу. Чайнов по-своему трансформирует эту ситуацию в «Истории парикмахерской куклы». Главный герой в состоянии хандры видит в коломенской витрине восковую куклу, влюбляется в нее и ее оригинал; позже он сам как бы превращается в подобие куклы и чувствует себя «марионеткой, которую судьба дергает за веревочки»¹. Этот же мотив значим в повести Погорельского, но задача автора – изобразить не подчиняющееся разуму воображение, выразить мысль о значимости адекватного восприятия неординарных событий. Фабула повести в основе повторяет фабулу «Песочного человека»: в немецкий город Лейпциг приезжает юноша из России, его имя подчеркнуто не славянское – Алцест. Он, подобно гофмановскому Натанаэлю, влюбляется в девушку, которая оказывается куклой. Впервые герои видят роковых красавиц в окне. Во всех трех сюжетах окно (витрина) – знак неприродности, однако магические сюжеты выстроены на образах кукол, которые хоть и «не улавливают ни феромонов, ни афродизиаков, но их инстинкт острее человеческого. Их целеустремленность переигрывает намерения человека, искусственный интеллект продуктивнее живого разума, особенно если разум отягощен рефлексией»². Чайнов усложняет историю: герой изначально влюбляется в кукольный образ реальной девушки – одной из сиамских близнецов. В повести развивается мотив манкости искаженной красоты, усиливающий тему необъяснимости психики человека, тогда как у Гофмана и Погорельского подчеркнуто роковое влияние на судьбы героев неживой материи, управляемой демонической силой.

Итак, гофмановская линия в русской литературе прошла свой путь развития, начавшись с прозы Погорельского, чье обращение к творчеству немецкого романтика носит подражательный и экспериментальный характер, и получила развитие в литературе XX в. Рецепция традиций Гофмана в XX в. во многом обусловлена осмыслением творчества немецкого писателя в XIX в. Так, магические повести Чайнова – показатель переосмысления романтической эстетики и опыт ее адаптации к литературе 1910–1920-х гг., они наследуют литературные традиции, но представляют собой обновленный жанр романтической фантастической повести, ориентированный на рефлексию героя при динамичной темпоральности событий. Чайнов, синтезируя немецкий и русский романтизм, создает свой уникальный гофмановский текст, наполненный как традиционными мотивами, так и новым содержанием.

ЛИТЕРАТУРА

Бахрах А.В. «Русский гофманианец» // Бахрах А.В. Бунин в халате. По памяти, по записям / Сост., вступ. ст., коммент. Ст. Никоненко. М.: Вагриус, 2005. С. 344–349.

Ботникова А.Б. Немецкий романтизм: диалог художественных форм. М.: Аспект Пресс, 2005. 347 с.

Герасимов И.В. Душа человека переходного времени. Случай Александра Чайнова. Казань: АННА, 1997. 190 с.

¹ Чайнов А.В. Венецианское зеркало: Повести. М.: Современник, 1989. С. 51.

² Солнцева Н.М. Репутация куклы. С. 87–88.

Гофман Э.Т.А. Полн. собр. соч.: В 2 т. / [Пер. с нем. С. Шлапоберская и др.] Т. 1. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2011. 1263 с.

Григорьева Л.П. Романтические повести А.В. Чаянова. К вопросу о прагматических стратегиях автора: sworld.com.ua/konfer36/408.pdf (дата обращения: 30.06.2021).

Дарьялова Л.Д. Русская литература XX века после Октября: Динамика размежеваний и схождения. Типы творчества (1917–1932): Учебное пособие. Калининград: Калинингр. гос. ун-т., 1998. 118 с.

Кирпичников А.И. Антоний Погорельский, эпизод из истории русского романтизма // Кирпичников А.И. Очерки по истории новой русской литературы. Т. 1. М.: Книжное дело, 1903. С. 76–112.

Кобозев Д. «Предупреждение» к неизданному сборнику Ботаника Х. // Вопросы литературы. 2020. №4. С. 266–276.

Кожуховская Н.В. Автор и герой в романтических повестях А. Чаянова // Вестник Череповецкого государственного университета. 2016. №3. С. 37–43.

Коровин В.И. История русской литературы XIX века. В 3 ч. Ч. 2: 1840–1860: учеб. для студентов вузов / [Е.Е. Дмитриева и др.]; под ред. В.И. Коровина. М.: ВЛАДОС, 2005. 524 с.

Королева В.В. «Гофмановский комплекс» в шуточных пьесах Вл. Соловьева («Белая лилия», «Альсим», «Дворянский бунт») // Вестник Костромского государственного университета. 1918. Т. 24. №3. С. 138–142.

Королева В.В. Стилизация «гофмановского комплекса» в повестях А.Н. Чаянова // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26. №3. С. 159–164.

Лантева И.В. Фантастическое Э.Т.А. Гофмана в культуре рубежа XX–XXI вв. // Вестник Томского государственного университета. 2008. №308. С. 56–60.

Михаленко Н.В. Мистические повести А.В. Чаянова в контексте романтической традиции // Парадигма: философско-культурологический альманах. 2016. №24. С. 110–120.

Муравьев В.Б. Творец московской гофманиады // Венецианское зеркало: Повести / Вступ. ст. и примеч. В.Б. Муравьева. М.: Современник, 1989. С. 5–23.

Саворовская А. Экзистенциальное в повести Александра Чаянова «Венецианское зеркало, или Диковинные похождения стеклянного человека» // *Studia Wschodniosłowiańskie*. 2015. Т. 15. С. 133–145.

Скородумова Л.Э. «Фантазии в манере Калло» Э.Т.А. Гофмана: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Мос. гос. пед. ун-т. М., 1996. 16 с.

Солнцева Н.М. Пасьянсы профессора Чаянова // Москва. 1990. №3. С. 191–199.

Солнцева Н.М. Репутация куклы. М.: Водолей, 2017. 176 с.

Соловьев Вл. Из <Предисловия к повести Гофмана «Золотой горшок»> // Русский круг Гофмана / Сост. Н.И. Лопатина при участии Д.В. Фомина. М.: Центр книги ВГБИЛ имени М.И. Рудомино, 2009. С. 168–169.

Тырышкина Е.В. Кукла и ее двойник («История парикмахерской куклы» А.В. Чаянова, 1918) // Известия Саратовского университета. Сер.: Филология. Журналистика. 2019. Т. 19. №3. С. 341–345.

Чавчанидзе Д.Л. Романтический мир Эрнста Теодора Амадея Гофмана // Гофман Э.Т.А. Золотой горшок и другие истории. М., 1976. 366 с.

Чаянов А.В. Венецианское зеркало: Повести / Вступ. ст. и примеч. В.Б. Муравьева. М.: Современник, 1989. 235 с.

Цивьян Т.В. «Рассказали страшное, дали точный адрес...» (к мифологической топографии Москвы) // Лотмановский сборник. Т.2. М.: ОГИ: Издательский центр РГГУ, 1995. С. 599–614.

REFERENCES

Bakhrakh A.V. “Russian Hoffmanian”. In: Bakhrakh A.V. Bunin in a Robe. From Memory, from Notes / Compilation, introductory article, comments by St. Nikonenko. Moscow. Vagrius Publ. 2005, pp. 344–349.

Botnikova A.B. (2005) German Romanticism: Dialogue of Artistic Forms. Moscow. Aspect Press Publ. 347 p.

Chavchanidze D.L. The Romantic World of Ernst Theodor Amadeus Hoffman. In: Hoffman E.T.A. The Golden Pot and Other Stories. Moscow. 1976. 366 p.

Chayanov A.V. (1989) The Venetian Mirror: Stories / Introductory article and notes by V.B. Muravyov. Moscow. Sovremennik Publ. 235 p.

Daryalova L.D. (1998) Russian Literature of the Twentieth Century after October: The Dynamics of Delimitation and Convergence. Types of Creativity (1917–1932): Textbook. Kaliningrad. Kaliningrad State University Press. 118 p.

Gerasimov I.V. (1997) The Soul of a Person in Transition. The Case of Alexander Chayanov. Kazan. ANNA Publ. 190 p.

Gofman E.T.A. Complete Works: In 2 vols. / [Translated from German by S. Shlapoberskaya and others] Vol. 1. Moscow. ALPHA-KNIGA Publ. 2011. 1263 p.

Grigorieva L.P. Romantic Stories by A.V. Chayanov. On the Question of the Author’s Pragmatic Strategies: sworld.com.ua/konfer36/408.pdf (date accessed: 30.06.2021).

Kirpichnikov A.I. Anthony Pogorelsky, an Episode from the History of Russian Romanticism. In: Kirpichnikov A.I. Essays on the History of New Russian Literature. Vol. 1. Moscow. Knizhnoe Delo Publ. 1903, pp. 76–112.

Kobozev D. Foreword [Preduvedomlenie] to the Unpublished Collection of Novellas by Botanist X. *Voprosy Literatury*. 2020. No 4, pp. 266–276.

Koroleva V.V. “Hoffman Complex” in Comic Plays by VI. Solovyov (“White Lily”, “Alsim”, “Noble Revolt”). *Vestnik of Kostroma State University*. 1918. No 3, pp. 138–142.

Koroleva V.V. Stylization of the “Hoffman Complex” in the Stories of A.N. Chayanov. *Vestnik of Kostroma State University*. 2020. No 3, pp. 159–164.

Korovin V.I. History of Russian Literature of the 19th century: In 3 parts. Part 2: 1840–1860: Textbook for University Students / [E.E. Dmitrieva et al.]; ed. by V.I. Korovin. Moscow. VLA-DOS Publ. 2005. 524 p.

Kozhukhovskaya N.V. The Author and Hero in the Romantic Stories of A. Chayanov. *Cherepovets State University Bulletin*. 2016. No 3, pp. 37–43.

Lapteva I.V. Fantastic E.T.A. Hoffman in the Culture of the turn of the XX – XXI cs. *Tomsk State University Bulletin*. 2008. No 308, pp. 56–60.

Mikhailenko N.V. The Mystical Stories of A.V. Chayanov in the Context of the Romantic Tradition. *Paradigm: Philosophical and Cultural Almanac*. 2016. No 24, pp. 110–120.

Muravyov V.B. Creator of the Moscow Hoffmaniada. In: The Venetian Mirror: Stories / Introductory article and notes by V.B. Muravyov. Moscow. Sovremennik Publ. 1989, pp. 5–23.

Savorovskaya A. Existential in Alexander Chayanov’s Story “The Venetian Mirror, or the Outlandish Adventures of a Glass Man”. *Studia Wschodniosłowiańskie*. 2015. Vol. 15, pp. 133–145.

Skorodumova L.E. (1996) “Fantasies in the Manner of Callot” by E.T.A. Hoffman: Synopsis (PhD) / Moscow State Pedagogical University. Moscow. 16 p.

Solntseva N.M. Professor Chayanov’s Solitaires. *Moskva*. 1990. No 3, pp. 191–199.

Solntseva N.M. (2017) Reputation of the Doll. Moscow. Vodolej Publ. 176 p.

Solovyov V.I. From the <Introduction to Hoffman’s Story “The Golden Pot”>. In: Russian Circle of Hoffman / Compiled by N.I. Lopatin with the participation of D.V. Fomin. Moscow. Book Center of M.I. Rudomino. 2009, pp. 168–169.

Tsivyan T.V. “They Told the Terrible, Gave the Exact Address...” (on the Mythological Topography of Moscow). In: Lotman’s Collection. Vol. 2. Moscow. OGI Publ.; Publishing Center of the Russian State University for the Humanities. 1995, pp. 599–614.

Tyryshkina E.V. A Doll and Its Double (“The History of a Hairdresser’s Doll” by A.V. Chayanov, 1918). *Izvestia of the Saratov University. Series: Philology. Journalism*. 2019. Vol. 19. No 3, pp. 341–345.

Сведения об авторе:

Елизавета Сергеевна Апалькова,
аспирант
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Elizaveta S. Apalkova,
Postgraduate Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
liza_apalkova@mail.ru